

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ЧУЖАЯ ИГРА»

ГЛАВА 1

Демид бежал по обочине, облачка бурой пыли вылетали из-под его ног. Дорога поднималась в гору, и грузовики нещадно газовали, обдавая Дему смесью сизого дыма и угарного газа. Выхлопы низкосортной солярки лениво растворялись в воздухе.

«Хээй-сё! Хээй-сё!» Вдох-выдох, вдох-выдох.

Это называется утренняя пробежка. Полный букет всяких гадостей.

Демид не думал об этом. Он не думал ни о чем, он медитировал на бегу, голова его была благодатно пустой. Два километра по вонючей дороге — не самое страшное испытание в жизни. А потом — поворот с шоссе в поле, мягкая, дружественная тропинка среди юной пшеницы. Зеленая лента реки, прохладная вода, рыбы, снующие в глубине...

Демид шарахнулся в сторону и едва не полетел на землю. Астматический звук мотора рывкнул у самого уха. Грязно-белый «жигуленок» пролетел в десяти сантиметрах от Демида, бампер его мотался из стороны в сторону, чудом удерживаясь на ободранной заднице машины.

— Урод! — Дема сплюнул под ноги. — Чтоб ты заглох!

«Жигуль» обиженно чихнул, дернулся и встал на обочине.

Дема пошлепал дальше — мимо злополучной машины. «Хээй-сё! Хээй-сё...» Солнышко начинало припекать все сильнее.

— Excuse me!¹ — крикнули вдруг ему в спину. Тонкий такой голосочек, жалобный.

Дема резко затормозил и оглянулся. Машина сиротливо стояла на обочине — «пятерка» с подбитым правым глазом, безутешная и неухоженная. Из окна машины высовывалась юная белобрысая голова.

---

¹ Извините! (англ.)

«Хлопчик. Осваивает папину машину втайне от предка, — подумал Демид. — Сейчас станет просить помощи. Дяденька, толкните машинку. Папка ругаться будет. Будет, сыночек, обязательно будет! Сейчас фингал под глазом тебе нарисую, чтоб не пугал мирных спортсменов...»

Демид пошел к машине. Не спеша, пытаясь придать себе строгий вид. Злости почему-то не было.

За рулем сидела девчонка.

Симпатичная девчонка, между прочим. Весьма симпатичная и изрядно перепуганная.

— Зачем глохнем? — поинтересовался Демид.

— Help me, please. I don't speak russian¹.

Демид хмыкнул, озадаченно качнул головой.

«Помоги ей... Хорош из меня помощничек! Гол, как папуас... — Из одежды на Деме присутствовали лишь красные спортивные трусы с надписью «Крылья Советов». — Стало быть, мы имеем здесь иностранную девочку на задрипанном «жигуле». Забавно... Притворяется? Или в самом деле? Не станет наш человек в такой ситуации просить помощи по-английски — не поймут. Стало быть, человек не наш...» — Демид вытер рукой пот со лба, лихорадочно вспоминая какую-либо фразу на английском.

— Do you speak English?²

— Ye! I really don't know what to do. This damned car... I hate this! It stalls all the time! Something is wrong with the ignition. How can I get in touch with the service station?³

«Затараторила! Сервис стэйшен ей нужен. Как тебя занесло сюда, дорогуша?»

— Excuse me. I am Demid, the best runner and the worst mechanic in this village⁴.

— Oh, I'm sorry! I am Jane. Sorry, but I'm really afraid. I can pay you. I am an American...⁵

«Бр-р-р. Мозги-то ведь не железные». Демид уже начал за-

¹ Помогите мне, пожалуйста. Я не говорю по-русски (*англ.*).

² Вы говорите по-английски? (*англ.*)

³ Да! Просто не знаю, что делать. Эта проклятая машина... Ненавижу ее! Она все время глохнет. Что-то случилось с зажиганием. Со станцией автосервиса можно как-нибудь связаться? (*англ.*)

⁴ Извините. Я — Демид, лучший бегун и худший механик в этой деревне (*англ.*).

⁵ Ой, простите! Я — Джейн. Извините, я на самом деле испугалась. Я могу вам заплатить. Я американка... (*англ.*)

бывать английский, и быстрая речь девушки сливалась для него в непрерывное «хаумачтаймвиллзэрипэатэйк».

— Don't hurry, Jane. My English is bad, I hardly understand you. So let's try to fix your little car¹.

Порозовела, улынулась в первый раз. Пора уже, американцы должны улыбаться все время, показывать свои белые зубы, иначе сразу становятся похожими на нас, русских, — кривых и мрачных с бодуна.

Девчонка подвинулась на правое кресло, Демид плюхнулся за руль. Поерзал на сиденье, пощелкал по приборной панели, провел пальцем по пыльному стеклу спидометра.

«Машинка едва живая, а ведь не старая! Трех лет ей еще не будет. Убили тебя, «жигуль» мой ненаглядный, безо всякой жалости, без скидки на российские дороги. Угробили проклятые иностранцы. Ну правильно, чего жалеть! Небошь денег куры не клюют».

Демид попытался понять, о чем думает американка, но вникнуть в ее беспорядочные мысли оказалось для него задачей непосильной. Думала она не на русском языке. Деме еще не приходилось лазить в мысли иностранцев.

Демид повернул ключ. Загорелась лампа зажигания, но мотор хранил угрюмое молчание. Минуту Дема щелкал ключом, пытаясь вызвать хоть каплю жизни в механическом трупe.

«Стартер сдох. — Демид представил себе обугленные щетки, подгоревший коллектор — все в саже и маслянистом дерьме. — Безнадега. Надо лезть под капот».

— I think the starter is faulty, — сообщил он. — Do you have the starting handle? Wrenches? Tools?²

— I'm afraid not. I left them at home³.

— Ну и дура! — сказал Демид — по-русски, громко и раздраженно.

Он вынул бесполезный ключ из гнезда и попытался вспомнить нечто важное. Ага... Машина встала, когда он пожелал ей заглохнуть. Было ли это случайностью?

Демид знал, что иногда может контролировать действия людей, мысленно заставляя их выполнять свои приказы. Он не

¹ Не спеши, Джейн. Мой английский плох, я с трудом тебя понимаю. Давай попробуем починить твою машинку (*англ.*).

² Похоже, стартер барахлит. У тебя есть ручка для завода машины? Ключи? Инструменты? (*англ.*)

³ Боюсь, что нет. Я оставила их дома (*англ.*).

был в восторге от такой своей ненормальной способности, но факт оставался фактом. Иногда он понимал, о чем думают люди, окружающие его, — не читал мысли, но вдруг начинал ощущать, что творится в чужой голове.

Приказать машине? Такое ему и в голову не приходило. Наверное, проще было попытаться завести машину с толчка или, на худой конец, прицепить «жигуленок» к какому-нибудь грузовику — до города было не так уж и далеко. Но Демид сидел и молчал. Пытался вспомнить свои ощущения, когда заставил машину заглохнуть.

«Нет, ничего не помню. Ничего... Эй, стартер, слышишь меня? Заводись! Крутись, подлец! Вращайся».

Демид стиснул зубы, напрягся, мысленно пытаюсь повернуть стартер. Боль отозвалась резким толчком в затылке. Никакой реакции. Двигатель молчал.

Дема закрыл глаза и расслабился, кулаки его разжались. Он перестал воспринимать машину как механическое существо, сборище соединенных между собой шестеренок, шлангов и болтов, увидел нечто похожее на душу автомобиля. «Жигуль» чувствовал себя сейчас как пятилетний ребенок, обиженный на маму, отшлепавшую его за разорванные штаны.

— Ну что ты, малыш, — сказал Демид. — Прости свою глупую хозяйку. Она такой же ребенок, как ты.

Дема погладил руль, пластмассовая поверхность его была теплой и гладкой.

Стартер заработал звонко и спокойно. В голосе его слышалось: «Я самый исправный стартер на свете, похвалите меня, пожалуйста!»

Демид нажал на педаль газа, мотор чихнул и уверенно набрал обороты. Дема открыл глаза — американка вытаращилась на него с изумлением и испугом. Удивляться было чему — Демид забыл вставить ключ зажигания в гнездо. Двигатель работал и без этого.

— Спокойно, — пробормотал Демид и вернул ключ на место.

Теплая рука девушки опустилась на его колено.

— Oh, how did you cope?¹ — Джейн смотрела на него, как на волшебника.

— That's a kind of magic².

¹ О, как у вас это получается? (англ.)

² Это волшебство такое (англ.). — Фраза из кинофильма «Горец».

— Sorry, I was too much trouble for your. Thank you for all you've done for me. I don't know what to do for you. Maybe...¹

— Слушай, говори по-русски, а? Это будет самым большим подарком. Понимай?

— Нье понимаю, — неожиданно сказала девушка. — Плохо знаю русски. Извините. Sorry.

«Ах ты, глупышка! — Дема растрогался. — Надо же, русско-го языка не знает!»

— Jane, you must go. You are wonderful girl, but I think this place is not suitable for communication. Go and good luck!²

— Thank you very much, Demid! Where can I meet you? I'd like to present you something for a keepsake³.

— Here is my telephone number, — улыбнулся Дема и написал ручкой номер на ладошке девушки. — Well, don't hate your car. I think, it is very miserable creature! Good bye!⁴

Он вылез из машины и побежал дальше. Не оглядываясь.

ГЛАВА 2

— Подъем! — громко скомандовал Демид.

Было уже одиннадцать часов утра, а он все еще сидел на диване, положив ноги на табуретку, и никак не мог заставить себя вымыть посуду после завтрака. Честно говоря, тарелки были не мыты также и с ужина. Посуда уныло кисла, сгрудившись жирными фаянсовыми блинами в раковине и на кухонном подоконнике. Это был своеобразный запой, хотя не водка, а лень и слабовольность правили бал в маленькой квартирке Демиды.

Так начинался каждый отпуск Демы, если он только не уезжал немедленно из дому. Обычно жизнь его была расписана по минутам, и он не позволял себе расслабиться. Вечный цейтнот — вот что было уделом Демы. И мечты его носили не-

¹ Извините, я доставила вам столько хлопот. Спасибо за все, что вы для меня сделали. Даже не знаю, как вас отблагодарить. Может быть... (англ.)

² Джейн, тебе надо ехать. Ты замечательная девушка, но мне кажется, что это место не очень-то подходит для разговора. Поезжай, и всего хорошего! (англ.)

³ Спасибо вам огромное, Демид! Как вас найти? Я бы хотела подарить вам кое-что на память (англ.).

⁴ Вот мой телефон. Да, зря ты ненавидишь свою машину. Мне кажется, это очень несчастное создание (англ.).

кий отвлеченно-утопический характер: «Господи, дожить бы до отпуска! Клянусь, я не буду более думать о работе, я сделаю все то, что задолжал своим друзьям и себе самому». И список неотложных дел давно уже был составлен, и на первом месте, конечно, стояли дела самые приятные и милые сердцу, и ничто не препятствовало наконец предаться долгожданному действию.

(С чего начать? Открыть учебник китайского языка и взглянуть в хитрые закорючки до белых пятен в глазах? Позвонить Лариске — сказать что виноват и приглашаю ее на ужин при свечах? Чертыхаясь готовить курицу мыть пол целовать ручку пить сухое вино и чувствовать что все это не то не то не то... Повесить полку в ванной? Долбить дурацкую стенку дрелью ввинчивать шурупы хряснуть кривую полку молотком чтоб она разлетелась на тысячу кривых осколков...)

Увы, увы, увы... Все эти дела не требовали принуждения. Они были лекарством для души и нуждались во вдохновении. А вдохновение не приходило... Демид третий день лежал кверху пузом на диване, читал кретинский детектив и не понимал, что в нем происходит.

Дема медленно, как во сне, опустил правую ногу и поставил ее на пол. Нога не выражала особого желания идти куда-то, глядела на хозяина с немым укором: «Послушай, мужик, оставь меня в покое. Если я к тебе приделана, это не значит, что ты можешь заставлять меня делать все, что тебе заблагорассудится. Положи меня обратно и считай, что меня вообще нет. Я тоже в отпуске».

— Ну-ну, не балуй, — лениво сказал Демид.

Господи, да что же это такое! Неужели никто о нем так и не вспомнит? Небось, когда он занят так, что дым из ушей валит, всякие там друзья просто покою не дают, всем почему-то до зарезу нужен Демочка, и немедленно! А теперь, когда он сражен острым приступом хандры и лени, когда нет сил доползти до телефона, ни одна собака не позвонит. Лежи и помирай тут с голоду.

Телефон зазвонил.

— Перестань ты звонить, гад! Подушкой, что ли, в тебя запустить? Звонют и звонют, не дают человеку отдохнуть... Сейчас в гости напросятся, уборку делать придется...

Так бормотал Демид Петрович Коробов, вялой трусцой продвигаясь к телефону.

— Будьте добры, позовите, пожалуйста, господина Коробо-

ва, если вас не затруднит, — сказал в трубке незнакомый мужской баритон. Акцент выдавал иностранца.

«Хорошая школа, — подумал Демид. — Не то что мои друзья: «А? Дем, ты, что ль? Чо?» Здраваться его научили».

— Да, это я.

— Доброе утро, господин Коробов. Разрешите представить себя: Энтони Рейнхарт, сотрудник предприятия «Эджоу Вуд». Я беспокою вас по конфиденциальной просьбе господина Ника Эджоу, исполнительного директора компании. Вы были добры оказать услугу его дочери Джейн три дня назад...

— Я понял, о чем речь, господин Рейнхарт. Это вы о симпатичной девушке, которая катается по России без комплекта гаечных ключей? Что же вы ее так отпускаете? Это не игрушки. У нас так нельзя. Передайте господину... папе, чтобы купил ей инструменты, шофера и двух телохранителей. Да и машину ей дайте получше. Это же не машина, это гроб с музыкой. Она, пардон, на ходу разваливается!

— Видите ли, в чем дело, господин Коробов. Джейн Эджоу не представляет в России бизнес своего отца, а занимается исследованиями, занимающими ее собственный интерес. В связи с этим возникают определенные трудности в э-э... контроллинге процесса ее передвижений.

«Дело понятное, — подумал Демид. — Попробуй уследи за такой симпампулькой. Да еще и богатой, оказывается».

— Господин Коробов, — продолжал меж тем голос в трубке. — Мистер Эджоу приносит свои глубочайшие благодарности и хотел бы встретиться с вами в приватной беседе для обсуждения некоторых бизнесовых предложений.

— Хорошо, я согласен.

— Если вас не затруднит, встреча состоится сегодня в шесть часов вечера в ресторане «Горос». Прислать за вами автомобиль?

— Нет-нет, спасибо. Доберусь сам.

Демида переделернуло. Не любил он ездить в чужих машинах. Хотя сейчас не было повода подозревать, что на его драгоценную личность может быть совершено покушение, подсознательная настороженность уже руководила его поступками.

«Когда это было в последний раз? Зимой. Да, зимой».

Полгода назад, в декабре, Демид в очередной раз влип в неприятную историю. Позвонил ему старый знакомый: «Дем, двести баксов поиметь не желаешь? Вечерком в ресторан со мной прокатиться. Для моральной поддержки. Братан, ты не

волнуйсь, дело там на две минуты. С ребятами перебазарим, бабки возьмем и едем домой обмывать. Разборок не будет, даю слово. Просто человек надежный нужен. Такой, как ты, Дем...»

Знал Демид, почему его приглашают. Демид был удачливым — о его везении ходили легенды. Умудрялся выходить с пустяковыми царапинами из самых жутких переделок. Говорили о том, что заговоренный он, мол, от ножа и даже от пули. Дема только усмехался, когда слышал такие байки. Сам он хорошо знал причину своей везучести.

То дело было грязным, как большая куча навоза. Это было ясно — в другие дела Демиду почему-то не звали. Согласился. Конечно, согласился, идиот. Из-за денег. Все из-за них, проклятых. Двести «зеленых» за вечер — шутка ли сказать! Влез он тогда в долговую кабалу, нужно было расплачиваться за квартиру.

За два часа до поездки он опустился на колени на пол, закрыл глаза, отключаясь от окружающего мира, и попытался представить, что произойдет сегодня вечером.

Он мог сидеть так подолгу — не взывая ни к богу, ни к космосу, ни к темным силам мира. Просто сидел и ждал. И иногда знание приходило к нему — он вдруг понимал, что произойдет с ним в будущем. Но чаще узнавал внезапно. Слишком поздно, когда оставалось лишь несколько секунд, — уже не на выбор, а только на последнее движение, способное в очередной раз сохранить ему жизнь.

Не раз звали Демиду работать телохранителем, суля хорошие деньги. Но Демиду было страшно. Он не боялся, что его убьют или покалечат. Сделать это было трудно — боец он был хороший, да и ангел-хранитель его не забывал. Дема опасался, что может не выполнить своего высшего предназначения, для которого был рожден и существовал на белом свете. Что это было за предназначение, Демид не знал. Наверное, вбил себе в голову эту блажь, а жизнь его ожидала самая обычная — суетливая и бесцельная. Но Демид жил, подчиняясь собственной интуиции, а она редко его подводила. И потому он вел образ жизни, странный для большинства его друзей, давно бросившихся в темные воды предпринимательства, — работал в университете скромным преподавателем на биофаке.

А приятели Демы один за другим покидали насиженные места в научно-исследовательских институтах, где некогда создавались радиоуправляемые ракеты, в школах, где контроль-

ные нынче списывались за пачку жевательной резинки, в больницах, где врачи терпеливо объясняли полуживым пациентам, что лекарств нет и не предвидится. Друзья получали должное количество пинков от конкурентов, раньше вступивших на каменистую тропу бизнеса, разорались и плакались Деме в жилетку. Друзья приобретали опыт борьбы с удавкой, именуемой налогами, и робко знакомились с квадратными молодыми людьми, обещавшими решение всех проблем в лучшем виде. Многие из Деминых друзей давно перессорились друг с другом, но все они неизменно захаживали к нему в поисках давно забытого спокойствия. «Знаешь, Дем, хорошо тебе! Сидишь на своем окладе, никаких тебе проблем. А у меня вот и баланс несданный, и «волжак» без конца барахлит, и жена волком смотрит, что дома не ночую, и финны вот опять нос воротят — контракт, видите ли, не выполняю! Не жизнь, а каторга!» «Что же, ребята, — неизменно отвечивал им Демид, — каждый создает проблемы сам, все дело в том, как к ним относиться. Наведите порядок в душе своей, ибо счастье человека лежит не вне человека, но в нем самом». Друзья похохатывали, хлопали Дему по плечу и глушили коньяк стаканами.

Друзья же и сватали Дему телохранителем к темным личностям разного пошиба.

Жить без денег было унижительно. И Демид, скрипя зубами, кляня себя за малодушие, соглашался. Дела были почти безнадежными. Подводила слава везунчика, каковым слыл Демид. Его везли на убой, как счастливый талисман, в смутной надежде, что он отобьется. Что, спасая свою жизнь, защитит не только себя, но и своего хозяина.

В тот злосчастный вечер он не получил никакого откровения, не узнал ничего. Но слово было дано. И Дема стоял на промозглом ночном перекрестке, дожидаясь машины, пританцовывал и костерил мороз на чем свет стоит. Он не мог себе позволить надеть длинный тулуп и тем самым лишиться спасительной подвижности. На нем была лишь куртка, слишком легкая для метели. Наконец из искристой мглы показались два расплывчатых желтых круга фар. Рядом с Демидом остановился «Мерседес», задняя дверь раскрылась, и оттуда вылез человек.

«Ну ладно, братки, до завтра!» — крикнул он и отошел в сторону. Из окна махнули рукой: «Демид, ты? Залезай!» Дема

согнулся, полупросунувшись в машину, и попытался разглядеть обстановку в темном салоне.

Неожиданный толчок вбил Демида внутрь — парень, который остался на улице, с разбегу вбросил его в машину, сам прыгнул следом и захлопнул дверь. «Мерседес» рванул с места, и Демид обнаружил, что зажат между двумя горами мускулов в кожаных куртках, а к шее его приставлен нож. Более горячего оружия пока не наблюдалось, но Дема догадывался, что без него не обойдется.

— Так, мужики, — раздался знакомый голос с водительского места, — с ним хлебало не разевать! Сейчас вывезем на Канзанку, там и поговорим без лишнего шухера.

— В чем дело? — хрипло спросил Демид. — Продал меня, Коля? Ой, нехорошо так поступать, видит бог! За кого хоть страдаю-го?

— За всех, супермен наш сладкий, за всех. Много знать стал. Суешься куда не следует. Вот и расскажешь нам что-нибудь интересное. Особенно про Короткого. Про кореша своего Петечку.

— Хрен тебе, — сказал Демид. — Я тут ни при чем. С Петей сам разберешься. А меня отпусти, пока я не обиделся. Я человек добрый, постараюсь забыть.

— Слыхали, братва, какого героя везем? — Мужики сзади заржали. — Опять слинять надеешься? Везучий, значит? Посмотрим... Пата, еще раз говорю, с ним осторожнее! Он у нас такой крутой, еще не понял, с кем дело имеет!

Парень справа ослабил, теснее прижался к Демиду, для остратки кольнул его ножом в шею. Машина тихо шуршала по шоссе, выезжая за город. Дело было совсем плохо — Дему везли убивать. Даже музыку не включили.

«Дема, не злись. — Демид любил разговаривать с самим собой — это всегда его успокаивало. — Ситуация, конечно, не подарок. Но шанс есть. Ножичек у этого Паты небольшой, несерьезный, я бы сказал. Мозгов, судя по всему, у него тоже маловато. Нож держит по-дурацки — руку локтем вниз вывернул. Если что, пойдет вскользьячку. Кто их учил, идиотов?»

«Мерседес» резко затормозил, съезжая с ледяной полосы на асфальт, и Демины соседи, не удержавшись, резко наклонились вперед. Дальнейшее заняло несколько секунд. Демид быстро выпрямил ноги, откинулся назад и тут же хряснул открытой ладонью в нос левого опекуна. Парень коротко хрюкнул и захлюпал кровью. Пата с ножиком еще не опомнился, но Де-

мид знал, что в следующую секунду лезвие воткнется ему в бок. Деме повезло. Жлоб за рулем с хриплым ором ударил по тормозам, и машину занесло на обледенелой дороге. Парня с ножом отбросило в угол. Демид свалился вниз с сиденья, схватил нож за лезвие, чувствуя, как острое железо вспарывает ладонь, затем соскользнул на запястье врага. Быстрое крутящее движение, хруст костей, и нож полетел в сторону. Пата завизжал как поросенок и попытался вскочить. Хороший удар кулаком между раздвинутых ног успокоил его и сложил пополам. В следующую секунду Демид открыл дверцу и нырнул головой вниз, прямо в снежный сугроб. Покатился с насыпи, отплевываясь от колючего снега, запорошившего лицо. Из машины доносился мат, ребята на задних сиденьях выли в два голоса. Демид, проваливаясь по колено в снег, побежал к ближайшим кустам. Он знал, что теперь без «калашника» справиться с ним невозможно.

В машине тоже это знали. Через минуту «мерс» развернулся в туче белой пыли и покатил к городу. А Дема сел в снег и стал морщась, стягивать с руки разрезанную перчатку...

Вот такую противную историю вспомнил Дема, стоя с телефонной трубкой. С тех пор он настороженно относился к чужим машинам, а «Мерседесы» не мог видеть даже издалека. Загасить тот конфликт стоило больших усилий, и уже с зимы Демид не ввязывался ни в какие сомнительные дела. Вел размеренную, хотя и бедноватую жизнь — плелся на автобусе на работу через полгорода, по вечерам ходил в спортзал или сидел с друзьями, а по утрам открывал окно и занимался китайской гимнастикой.

— Господин Коробов, вы слышите меня? — в десятый раз спросил вежливый голос в трубке. Демид задумался и совершенно забыл о своем собеседнике.

«Соглашайся, — сказал себе Демид. — Это же иностранцы, люди приличные. Сразу резать не будут. Может быть, туда придет эта забавная куколка, Джейн, подарит тебе коробку конфет, чмокнет в щечку и пригласит в гости в Америку...»

— Да-да, господин Рейнхарт. Я приду.

— Запишите, пожалуйста: Ник Эджоу. Вас встретят в ресторане.

— Хорошо, до свидания.

ГЛАВА 3

Демид стоял у зеркала и рассматривал свое изображение.

«Из личного досье: Коробов Демид Петрович. 28 лет. Русский. Особые приметы — среднего роста (178 см), среднего телосложения. Нос прямой

(сломан два раза, но удачно выправлен),

глаза серые, волосы — темно-русые.

Стандартный советский набор.

Татуировки — не имеется.

Правда, хватает шрамов самых разных калибров, но на физиономии — только один. Над правой бровью. Улыбка кривая, но умная.

Зубы

тоже кривоваты. Не Аллен Делон, одним словом...

Дополнительные сведения: образование высшее, холост. Сексуальная ориентация — обычная.

Любит он женщин, любит. Некоторые из них отвечают ему взаимностью

(паспортные данные последних не указываются).

Психологическая характеристика: интроверт неярко выраженного типа.

Переводим: живет внутри себя, для самого себя, на окружающую действительность обращает мало внимания. Главный канал общения с окружающим миром — желудок».

Дема встал в артистическую позу и продекламировал стихотворение, сочиненное им однажды в минуту максимального познания собственного «я», то есть после хорошего ужина:

Много всяких философий
Напридумывали люди,
Услаждая чашкой кофе
Свой объемистый желудок.

А в своем мировоззренье
Два столпа я отмечаю:
Толстый-толстый слой варенья
И большая чашка чаю.

Итак, Демочку пригласили в ресторан. Собственно говоря, ничего особенного в этом не было. Когда Дема был еще студентом биофака, в рестораны он хаживал частенько, любил хорошо покушать, да что греха таить, иногда и выпивал (друзья брали с собой авоську водки и ставили под стол, весело об-

новляя бутылки под недовольное брюзжание официантки). Времена были дешевые и непосредственные. Последние же два года Дема в ресторан не попадал. У него появилась своя квартира, и надобность в таких походах отпала — друзья появлялись регулярно, чаще в поздний час, принося с собой атмосферу веселья и роскошь человеческого общения, приправленную ностальгией о былом. Дема был хозяином радушным, любил посмеяться и накормить гостей чем-нибудь изысканным. Например, магазинными отбивными с магазинным же соусом «Ткемали».

Дема стоял перед зеркалом и пытался вспомнить, что одевают приличные люди при деловых встречах с иностранцами. Наверное, лучше всего было бы надеть костюм. Но... Дема открыл шкаф и кисло посмотрел на пиджак серенького ослиного цвета, сиротливо выглядывающий из самого угла. Дема не любил костюмы — в них он чувствовал себя скованно, пиджак спеленывал плечи, как смирительная рубашка, приходилось бороться с постоянным желанием закатать рукава до локтя. К тому же Демид купил этот костюмчик лет восемь назад, для своей свадьбы (так, к счастью, и несостоявшейся), и почти не надевал с тех пор. Теперь он уже явно устарел, да и сшит был не лучшим образом — плечи в обтяжку, зато в области живота наблюдались болтающиеся на ходу излишки материи.

Демочка потрепал пиджак по сутулому загривку:

— Виси, кореш, жди! Твое время еще придет.

В конце концов Дема остановился на свободных летних брюках, мягких кожаных туфлях, водолазке и легкой светлой куртке. Это выглядело достаточно стильно, Демид чувствовал себя в таком наряде спокойно и уверенно. Он побрился, почистил зубы, исполнил перед зеркалом несколько танцевальных па, неуловимо напоминающих ушу стиля «северной бабочки», и отправился на встречу.

Демид подошел к «Торосу» легкой пижонской походкой. Дневная жара уже спала, в воздухе разливался упоительный запах цветущих лип. Дема повернулся на носке и отставил ногу в незаметном чужому глазу чечеточном движении. Сейчас он исполнял роль жизнерадостного эстета, любителя больших джазовых оркестров. Не хватало только тросточки и туфель с железными набойками.

Швейцар средних лет с угрюмым видом сидел на стуле около открытой двери, читал «Комсомольскую правду» и перегоживал вход своими ногами.

— Бон джорно, любезнейший, — сказал ему Демид. — Не соблаговолите ли вы принять ножку?

— Чево? — Швейцар посмотрел на Дему, как на идиота.
«Тросточкой бы его... да по мордасам».

— Копыта уברי, чево...

Демид протянул швейцару пятерку и прошел внутрь.

Час был ранний. В зале царил приятный полумрак, не было даже накурено, народу было мало, и оркестр еще не начал свою игру. Демида подвели к столику, стоявшему в отдалении от сцены и сервированному в стиле «а-ля русс». Из-за стола встал мужчина лет пятидесяти, вежливо кивнул и протянул Демиду руку:

— Господин Коробов? Рад вас видеть. Ник Эджоу. Впрочем, можете величать меня просто Николай Игнатьевич. Николай Игнатьевич Ежов.

«Вот те раз! То иностранцы, то нет! Черт ногу сломит».

— Демид Петрович Коробов, лучше просто Демид. Так вы что, извините, из наших?

Мужчина улыбнулся. Вид он имел вполне американский. Хорошо одет. Глаза голубые, глубоко посаженные и спокойные, в сеточке мелких морщин. Светлые волосы, тронутые сединой и зачесанные назад. Большие грубоватые руки.

— Да, пожалуй, именно так и можно сказать — из наших. — Эджоу кивнул головой. — Бывший гражданин Советского Союза, бывший беженец со статусом религиозного меньшинства, бывший безработный... Все — бывший... А теперь — обычный бизнесмен. Канадец, позвольте так выразиться, русского происхождения.

Ник поманил рукой официанта:

— Эй, человек! Бутылку «смирновской», пожалуйста! Вы водку пьете? — обратился он к Демиду.

— Да немножко можно, — скромно сказал Демид.

Этот канадец не был похож на русских, вырвавшихся пятьдесят лет назад за границу и теперь приезжающих, чтобы почувствовать себя в России человеком первого сорта, гордо проехать по улицам на арендованном «Форде» и утереть нос старым друзьям и недругам. Он выглядел основательно и внушал доверие.

— Ну что, Демид, за знакомство?

— За знакомство, Николай Игнатьевич.

«Эджоу, канадский бизнесмен. Он же Ежов, русский мужик. Бывший. Неплохой человек, кажется. Существует полу-

анекдотический стереотип, что иностранцы все милые и глупые, как дети, и облапошить их ничего не стоит. «Русские прусских всегда бивали». А вот с нашенским человеком нужно держать ухо востро. Тебе-то не один ли черт, Ежов он или Эджоу? В конце концов, тебе от него ничего не нужно. А ты ему зачем-то понадобился».

Дема откинулся на спинку стула. Водка была ледяной, еда вкусной. Чем не жизнь?

«Впрочем, ты знаешь зачем. На этот раз *знаешь*».

— Прожил я в Канаде без малого двадцать пять лет. — Ежов молодецки тяпнул рюмку и занюхал бутербродом с черной икрой. — Но родину свою забыть не могу. А порою кажется, что и не уезжал от нее никогда. Повезло мне — если и есть на свете страна, похожая на Россию, то это Канада. Знаешь, Демид, в нашем городке каждый третий — русский или украинец. Конечно, не такие, как я, — беглые совграждане. Эти люди уехали за море еще в начале века, не одно поколение с тех пор сменилось. И язык уже многие подзабыли, вот разве что только вера православная осталась. Я ведь сам-то из староверов, уехал из СССР под предлогом религиозных преследований. Хороший был предлог... Хотя и не больно-то я был тогда верующим... Это уже потом, когда наелся я досыта ихних гамбургеров, наработался уборщиком в ихних фастфудах, потянуло меня к чему-то родному — хоть и не советскому, может быть, а к русскому. Так и осел в Канаде. Хорошо там. Природа как в России — леса сосновые, черника, грибы. Лисицы такие же рыжие. Глухари есть, охота замечательная. Любишь охоту, Демид?

— Нет, не люблю, — сказал Демид откровенно. — Нехорошо это — убивать животных.

— Ничего, что я перешел на «ты»?

— Конечно, конечно.

— Ты уж прости меня, Демид Петрович. Хоть я давно уже вроде бы иностранец, но человек простой. Что ж тут поделаешь? Вырос я в крепкой крестьянской семье. Слово отца у нас было — закон! И хотя батяка мой, бывало, драл меня розгой, обиды на него не держу.

Николай перегнулся через стол к Демиду, доверительно постучал узловатым пальцем по столу:

— А я вот дочку свою, между прочим, пальцем не тронул. А кто тронет, тому голову оторву.

Сел. Выпили еще по стопке.

— Глупая она еще. Но в церковь ходит, это хорошо. Без этого нельзя, Дема, так я тебе скажу! Нынешние, они... От беса многое. Мутит он людей, застилает глаза. А Россия гниет заживо — смотреть больно. Не чужая она ведь, матушка.

Николай замолчал и грустно подпер голову рукой. Было в нем что-то патриархальное. Демиду такие люди встречались редко, и он слегка их сторонился — трудно было найти точки соприкосновения между их простой, основательной философией и его собственным мировоззрением, эклектично составленным из обрывков экуменистического христианства, дзен-буддизма и житейской психологии российского горожанина.

— А Джейн совсем не говорит по-русски? — спросил Демид.

— Янка-то? Почему не говорит? В семье-то мы по-нашему говорим. Сызмальства приучал...

— А что же она со мной только по-английски разговаривала?

— Ну, ты, милый, сам ей дал поблажку, начал по-английски. Обматерил ее, кстати сказать. Она мне все рассказала. И правильно, что обругал. Потому что за дело. Шлендает где попало, у отца не спросясь... И перепугалась она очень. Вот ты представь себя на ее месте. Слава богу, что хоть ты, мил-человек, хорошим оказался, помог девчонке. А если б нехристь какой был?

— Угу.

— Она сейчас в Москву уехала на две недели, курс русского там проходит. Вот вернется — посмотрим, чему ее там научили. Вообще-то она первый раз в России. Могла бы и почаще сюда приезжать. Я сам отсюда почти не вылезаю. Дела, дела.

— Бизнес?

— Да, бизнес. Станки деревообрабатывающие поставляю. У нас в Канаде все это на высоком уровне. Станками не интересуешься?

— Нет, — сказал Демид. — Я — специалист по кишечноплостным. Обсудить не желаете?

— Ладно, Демид. Не будем, как говорится, тянуть кота за хвост. Суть дела такова — моей дочке нужна хорошая нянька. По-моему, ты подходишь.

«Угадал. Конечно, я угадал».

— Николай Игнатьевич, вы же в первый раз меня видите! Не слишком ли вы рискуете, предлагая работу совершенно незнакомому человеку?

— Ну, положим, справочки я о тебе навел. Кое-что узнал,

друг мой ситный, — в том числе о всяких твоих художествах и приключениях, которыми охотно заинтересовалась бы ваша милиция. Знаю, знаю... Везучий ты, говорят, и от пули заговоренный! Но, честно говоря, меня это мало волнует. По глазам я вижу человека. Поверь мне, жизнь я за свои полвека повидал, жизнь меня была достаточно, в людях научила разбираться. Много тут всякой шпаны крутится, охранниками называются. Может, люди среди них есть внешне и неплохие, но смотрю я в их глаза и вижу — сердцевина-то трухлявая, вот в чем дело! А сердцевина должна быть твердой, из крепкого дерева. Воспринимай мои слова как хочешь, но в тебе это есть. Все остальное — ерунда, слабого человека жизнь всегда сломает, каким бы он каратистом ни был. А тебе природой многое дано, из тебя, Демид, может толк выйти, если не загордишься. Ты вот лучше скажи откровенно, в Бога-то веришь?

— Верю, — сказал Демид. — А кто ж в него нынче не верит?

— То есть что? Христианин ты или любитель какой-нибудь новоявленной буддистской белиберды?

«Так, значит? В душу лезешь?..»

— Вопрос непростой, Николай Игнатьевич... Что такое Бог? Старичок такой конкретный бородатый, который сидит на небе и присматривает за своей паствой? Для меня Бог — это нечто внечеловеческое. Дух и разум вселенной, нематериальная среда, окружающая всех нас — всегда и везде. Эта среда разумна и представляет доброе начало. Она универсальна — она существует и для человека, и для любого другого живого существа. И на земле, и в других мирах, если они, конечно, есть. Все не так-то просто, Николай Игнатьевич. Да, я верю в Бога. Да, я — христианин по воспитанию своему, потому что родился в этой стране. Но я не могу просто слепо следовать обрядам, надеясь, что за соблюдение поста, например, мне спишется пара грехов на том свете...

Не очень-то Демид любил разговаривать на эту тему. Как Бог некогда вылепил человека, так и Демид вылепил, придумал себе Бога, наиболее подходящего к его представлениям о морали и религии. Никто не считал Демиду своим: знакомые православные священники хмурились и называли его безбожником, буддисты заявляли, что он дилетант, и зазывали в свою общину, чтобы лучше познать учение Прозревшего, любители порассуждать о вселенском начале перебивали его и начинали развивать свои собственные идеи о потусторонних мирах и «пси-поле».

К удивлению Демида, Николай слушал его задумчиво и внимательно.

— Ну что же, идея интересная, хоть и не новая, — медленно изрек Николай. — Космический разум... Я не буду бить горшки, доказывая, что ты не прав. И что если ты русский, то должен придерживаться традиционного православия. Я сам не настолько религиозный человек, каким, к примеру, был мой отец. Он после твоих рассуждений точно бы в драку полез. Только я тебе честно скажу — мне жалко, что умирают древние обряды и сам великорусский образ жизни. Это было хорошее средство держать людей в узде, в добром смысле этого слова. Может, русский мужик был и не особенно грамотен, но он с детства знал, что надо быть почтительным к старшим, хлебо-сольным к гостям, умеренным в питии. Садился ли кто за стол или вставал из-за стола, непременно осенял себя крестным знаменем. Попробуй я сейчас перекреститься или, хуже того, помолиться за столом, — ведь посмотрят как на сумасшедшего! Русский знал все — с какой ноги первее сапог снимать, как новорожденному имя дать, как по воде на Лаврентия погоду на осень угадать. Жизнь его была определена со всех сторон, так ведь и баловства было меньше! А сейчас? Я по своей работе много езжу по деревням — даже бабы матерятся так, что дым стоит. Куда это годится?

— Это точно, — согласился Деמיד.

— Ты только не подумай, что я ретроград, монархист и прочая. В стране, где я живу, тоже много всякого отребья, как бы у вас ни расхваливали Запад. Но когда я вижу, что творится в России, мне приходит в голову, что здесь не обошлось без дьявольского вмешательства. В сатану-то веришь?

— Да нет, не верю. По-моему, все дьявольское — от людей. Бесовское начало сидит в каждом из нас, хотя и не в каждом проявляется. Таких мерзостей, какие может изобрести человек, ни один Люцифер не придумает. Я думаю, тут вы правы — человеку нужна узда, может быть, и не тугая, но не позволяющая ему совершать насилие, убивать, воровать.

— Философ ты, Дема, однако... На всяк вопрос у тебя целая речь заготовлена. А вот скажи-ка мне — про «русских сатанистов» никогда не слыхал?

— Нет. Это что-то новенькое.

— Это действительно новенькое. Чисто американское явление, скажу я тебе. В Америке ведь модно быть сатанистом, геем или страдать аутизмом. Ах, это ведь так загадочно! Это

так возвышает, это выделяет из толпы. Это говорит о принадлежности к избранным. В конце концов, это дает возможность за что-то побороться. Действительно, за что еще бороться в стране, в которой все зажралось, если не за права несчастного сатаны! Люди не понимают, с чем они играют! А в Канаде появились еще и «русские сатанисты». Колдуны, по-нашему. Эти идиоты считают, что вступать в союз с дьяволом, наступая правой пяткой на святой крест, бормотать богохульства на ломаном русском и портить настроение православным в храме, стоя спиной к алтарю, — гораздо таинственнее и аристократичнее, чем делать то же самое на европейский манер.

— А у нас все только говорят и пишут, что колдуны — хорошие, славные такие ребята, порчу снимают, домовых выгоняют, любовь привораживают, в Бога верят. Без колдунов сейчас — ни ногой.

— Знаю, читал. Это не колдуны. Шваль болотная.

Демид вспомнил историю, которая произошла с ним однажды. На кафедру, где Дема работал ассистентом, повадился ходить мужичок. Он был неопрятен, бородат, лысоват, в мутно-зеленых глазах его горел ненормальный огонек. Не любил Дема таких людей. Этот называл себя колдуном, шлялся по комнатам, всюду совал свой острый нос и нудно выклянчивал всякие фетиши — крокодильи зубы, шакальи глаза, сушеные цветки аконита и прочую подобную дрянь. Его где-то шугали, а где-то и вежливо объясняли, что таковых предметов на кафедре не водится. Однажды поганец, обозленный отказами, пристал к девчонкам-лаборанткам, обещая им всяческие несчастья, размахивая руками и бормоча ужасные непристойности. Девчонки подняли визг, и Демид, пересилив брезгливость, пошел разбираться с обнаглевшим кудесником. Он открыл дверь лаборантской и вежливо предложил:

— Слушай, мужик, ты мне надоел. Мотай отсюда. Чтобы я тебя тут больше не видел.

Но чародей решил наглеть дальше, выкатил глаза на Дему и, обдавая его запахом гнилых зубов, проскрипел:

— А на тебя, жеребец окаянный, порчу нашла лихую. Будет черный глаз твои кости знобить, тело мучить!

Дема сгреб поганца за лацканы засаленного пиджака, приподнял так, что обшарпанные штиблеты колдуна оторвались от пола, и негромко, но внятно сказал:

— А вот за это в лоб получишь.

Мужичок хотел крикнуть еще что-то страшное, но взглянул

в глаза Демида и осекся. Взор его потух. Бормоча под нос, он выкатился за дверь и больше не появлялся.

Эту историю Дема любил рассказывать в компании, и каждый раз она вызывала взрыв смеха. Все начинали рассказывать хохмы о своих встречах с «экстрасенсками», энергоцелителями и колдунами. В Демином кругу таких людей всерьез не воспринимали.

Именно поэтому Демид и не решился рассказать эту историю сейчас — похоже, Николай относился к подобным вещам серьезно.

Демид огляделся. Они просидели целый вечер за неотрывным разговором, за окном стемнело. Меж тем народ в ресторане вовсю гулял. Оркестрик на сцене играл танго, несколько пар исполняли какое-то подобие этого танца, большинство же, обнявшись, медленно передвигались на месте, соблюдая направление по часовой стрелке. У стены столы были сдвинуты — там, очевидно, происходил банкет. Красномордый толстяк в розовой рубашке и со сдвинутым набекрень галстуком исполнял роль тамады и безуспешно пытался придать видимость единства застольному коллективу. Атмосфера в зале была пьяно-радушная, в такие моменты можно подойти к любому в зале, завязать беседу и через пять минут уже сидеть с ним в обнимку и вспоминать общих, в неизъясимой закономерности выявившихся знакомых. Еще не наступило время хмельных разборок и мордобития в туалете, хотя, наострив слух, можно было услышать доносящееся с отдельных столиков извечное российское: «Серега, ты не прав!» как предвестник грядущих катаклизмов. Демид почувствовал явное перенасыщение — и едой, и питьем, и ресторанным шумом, и разговором.

— Николай Игнатьевич, давайте перейдем к делу, — сказал он. — Итак, вы предлагаете мне работу телохранителя для вашей дочери. Вы считаете, что я вам подхожу. Обо мне, насколько я понимаю, вы информированы. В таком случае вы должны знать, что последние полгода я отказывался от всех подобных предложений.

— Что, и мне откажешь?

— Нет. — Демид улыбнулся. — Для вас я сделаю исключение. Я буду с вами работать. Только ради вас.

«Ради девчушки. В ней что-то есть».

— Спасибо, Дема. Мне подходишь только ты. Только ты. Я верил, что ты не откажешься.

— Еще вопрос: что будет входить в мою работу?

— Да ничего серьезного. Будешь забирать ее утром из гостиницы, отвозить на машине по ее делам. Будете, наверное, много ездить по селам — ее работа связана с русским фольклором. Ну, переводчиком будешь, если понадобится. Если ей захочется, отведешь ее вечером в ресторан или там в дансинг, в театр. Всего два месяца. Устроит тебя такое?

— Устроит.

— Ну и хорошо. А вообще-то она девчонка славная, приятная. Только постарайся удержать ее от излишних приключений. Она мастер находить неприятности на свою шею, а Россия — все-таки не Канада. Пойдет?

— Пойдет...

Дема замаялся. Глупо как-то было сейчас спрашивать о деньгах. Сочтут еще скаредой. Да только Николай Игнатьевич понял его и без слов.

— О деньгах не беспокойся. Получишь на руки чистыми четыре тысячи долларов за два месяца работы. Поверь мне, это очень приличные деньги. Или ты, как истинный русский патриот, предпочитаешь рубли?

— Я, как истинный советский патриот, предпочитаю валюту.

Названная сумма Демиду понравилась. Раньше, когда он подрабатывал в охране, у него водились денежки, и немалые. Но теперь, когда он оставил это опасное занятие и стал жить на скудную преподавательскую копейку, такой заработок казался баснословным.

— Ну что, все ясно?

— Да, вполне.

— Тогда приходи завтра в мой офис, и мы оформим договор. Яна приедет через две недели, так что у тебя пока есть время для отдыха. Можешь съездить куда-нибудь в Сочи.

— Да нет, в Сочи как-то не тянет. В деревне дел полно.

— Отлично. Я жду тебя завтра в девять утра в офисе. Вот моя визитная карточка. От машины опять откажешься?

— Да нет, пожалуй. Надеюсь, у вас не «Мерседес»?

— «Ауди»-«сотка» подойдет?

— Потянет.

— О, это уже знак доверия! Польщен, польщен!

Николай похлопал Демида по плечу, и они расстались.

ГЛАВА 4

Следующие две недели Демид посвятил войне. Войне за родную землю с супостатом, посягнувшим на святое. Битва была изматывающей и кровопролитной, противник нес потери, но не сдавался. Новые полчища врагов вставали на смену павшим и теснили Демиду, творя свое черное дело и пядь за пядью уничтожая плоды Деминого труда.

Демид воевал с воронами.

Демид любил огородничать и знал в этом толк. На своих шести сотках, где каждая горсть земли прошла через его пальцы, он чувствовал себя настоящим хозяином. Он умело применял и светлое социалистическое учение товарища Мичурина, и порочную, развенчанную партийными конференциями буржуазную генетическую теорию Менделя—Вейсмана—Моргана. И то и другое давало хорошие плоды, мирно соседствующие на обеденном столе, несмотря на непримиримые классовые позиции. Дема был грамотным и трудолюбивым человеком, соседи его уважали. Конечно, случались и неприятности — нежные акклиматизированные растения мерзли и усыхали, на них нападали прожорливые гусеницы, тля и вирусы неизвестной породы. Демид терпеливо сносил пакости, творимые матушкой-природой, и выхаживал своих питомцев.

Той ночью Демид спал беспокойно. Странный сон снился ему. Он бежал по огромному белому полю, падая и проваливаясь по пояс в снег. На нем висело драное рубище, волосы светлыми космами падали на плечи. В руке у Демиды был тонкий, леденящий пальцы серебряный меч. «Главное — не открыть грудь, — бормотал он на бегу. — Враг не должен увидеть Знак». Он снова упал, запутавшись в полах своего зипуна. А когда поднял голову, увидел высокого старика. Старец был одет в черный бараний полушубок, вывернутый наизнанку и запахнутый на левую сторону. В руке он держал большой посох с острым железным крюком на конце. Желтоватая борода расстrepалась на ветру, черные глаза из-под кустистых бровей смотрели властно и зло.

Демид попытался встать, но старик вытянул когтистую руку, и неодолимая сила придавила Дему к земле. Он ткнулся носом в снег.

— Лежи, пес, — сказал старик. Голос его оказался неожиданно высоким, с визгливой хрипотцой. — Скрычу я: розынься земля, росступисе на триста локтей, и оттоль выйди вороны

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. «ЧУЖАЯ ИГРА»

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	67
Глава 9	72
Глава 10	88
Глава 11	97
Глава 12	103
Глава 13	109
Глава 14	120
Глава 15	133
Глава 16	142

Часть вторая. «ЗНАК ВОЛКА»

Глава 1	153
Глава 2	156
Глава 3	165
Глава 4	170
Глава 5	180
Глава 6	183
Глава 7	193
Глава 8	204
Глава 9	215
Глава 10	220
Глава 11	228
Глава 12	235
Глава 13	249

Глава 14.	258
Глава 15.	267
Глава 16.	271
Глава 17.	278
Глава 18.	279
Глава 19.	288
Глава 20.	300
Глава 21.	307

Часть третья. «ДУХ БЕЗЫМЯННЫЙ»

Глава 1	312
Глава 2	326
Глава 3	333
Глава 4	338
Глава 5	345
Глава 6	352
Глава 7	360
Глава 8	368
Глава 9	377
Глава 10.	384
Глава 11.	398
Глава 12.	403
Глава 13.	413
Глава 14.	423
Глава 15.	434
Глава 16.	442
Глава 17.	452
Глава 18.	460
Глава 19.	470

Часть четвертая. «ДОБРО И ЗЛО СПЛЕЛИСЬ ВОЕДИНО»

Глава 1	479
Глава 2	486
Глава 3	494
Глава 4	500
Глава 5	513
Глава 6	522
Глава 7	529
Глава 18.	546
Глава 9	555
Глава 10.	563

Глава 11.	576
Глава 12.	587
Глава 13.	592
Глава 14.	603
Глава 15.	610
Глава 16.	619
Глава 17.	627
Глава 18.	633
Глава 19.	635
Глава 20.	639
Глава 21.	650
Глава 22.	659
Глава 23.	661
Глава 24.	671
Глава 25.	678
Глава 26.	691